

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА “ОДИН”

© 2008 Шао Наньси

Воронежский государственный университет

“Один человек плюс один человек равно два один-человека” – так писал А. Битов в одном из своих рассказов. В этом высказывании сформулирована глубокая мысль об абсолютном одиночестве человека, несмотря ни на что, и дело вовсе не в количестве тех, кто его окружает.

Считается, что одной из первых количественных дихотомий человеческого мышления была дихотомия “один – много” и что число “два” возникло в сознании человека раньше, чем “один”. “До тех пор, пока существовало только представление единицы, не могло быть и речи о количественном мышлении”, – писал И. А. Бодуэн де Куртенэ [1, 315].

Первоначально слово “один” употреблялось для того, чтобы выделить некоторую единицу из множества (ряда) подобных ей единиц, а не для обозначения количества. Не случайно в разговорной речи оно было вытеснено словом “раз”, которое точно передает идею начала счета.

Загадочность слова “один” заключается в трудности квалификации его лексико-грамматического класса и семантики в разных контекстах.

Обнаружилось, что, будучи компонентом высказывания, в том числе разных устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц и поговорок), слово “один” может выступать в роли разных частей речи: местоимения, числительного, прилагательного, существительного, наречия или частицы. В этом заключается семантическая особенность слова “один”.

Сделаем небольшой экскурс в историю.

В древних текстах, по свидетельству В. Н. Топорова, слово “один” встречается редко, а если оно использовалось, то только в значении не столько первого элемента числового ряда, сколько в значении целостности, нерасчлененности. Данные этимологических словарей дают основание считать, что оно образовалось путем сложения древних русских основ: “ед” – со значением “именно”, “только” и “ин” – со значением “некоторый”, “какой-то”. Позже за словом “один” закрепляется

категориальное значение числительного “один” – “единица”, “один из нескольких” [5, 78-79]. Однако есть мнение, что слово “один” никак не поддается этимологизации. По мысли Н. Будинова, «в некоторых языках предметную основу слова “один” можно реконструировать следующим образом: числительное “один” передается словом “человек”. Собственно слово “человек” передает не столько число “один”, сколько способность человека быть “отдельным”» [2, 42-43].

Некоторые считают, что вообще все числительные “явно оказываются производными от знаков языка жестов” [3, 51]. Есть также предположение, что слово “единь” (или местоимение “инь”) употреблялось скорее для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных, чем для того, чтобы так обозначить количество [4].

В русском языке существует большое количество устойчивых оборотов, компонентом которых является слово “один”. По нашим данным, их насчитывается около 150. Выступая в роли такого нумеративного компонента, слово “один” может актуализировать свое первичное, этимологическое значение выделенности. В этом случае оно приобретает признаки частицы “только” или “лишь” и утрачивает номинативную функцию:

Одни заплатки, хозяина не видать.

Одни кожа да кости.

Подаришь уехал в Париж, остался один ку-пишь.

Загадочность русского слова “один” состоит еще и в том, что в других контекстах оно вдруг начинает выполнять дейктическую функцию в результате процесса прономинализации. Приобретая эту характерную для местоимений функцию, это слово становится указательным местоимением в следующих устойчивых нумеративных выражениях:

В одном кармане – вошь на аркане, в другом – блоха на цепи –

так говорят об очень бедном человеке.

Один глаз на нас – другой в Арзамас –
так шутят, когда имеют в виду физический недостаток человека – косоглазие.

Водно ухо входит (влетело) – в другое выходит (вылетело) –

так упрекают невнимательного или непослушного человека.

В некоторых устойчивых выражениях слово “один” вдруг начинает приобретать признаки существительного. Например:

Этому одно, тому другое.

В результате процесса субстантивации в семантической структуре слова “один” появляются семы предметности и обобщенности. Однако присутствует и сема информативной недостаточности, впрочем, и сема количества не исчезает полностью. Слово “один” способно приобретать признаки прилагательного. В этом случае оно становится способным называть признак предмета за счет появления семы “единственности” или “одинаковости”:

Одного поля ягоды –

так неодобрительно говорят об одинаково плохо поступающих людях.

Поставить на одну доску.

Стричь всех под одну гребенку –

Эти два последних выражения значат “приравнять какие-либо разные вещи”.

Слово “один” способно адвербиализироваться и передавать категориальное значение наречия. Причем на семном уровне в наречии “один” объединяются признаки трех частей речи – числительного, прилагательного и наречия.

Все одно, что дерево, что бревно –

так говорят, когда хотят выразить безразличие по какому-либо поводу.

Такое многообразие функций, лексико-грамматических признаков и семантики делает это слово незаменимым структурным компонентом устойчивых нумеративных выражений, где оно способно оформлять заключенную в определенном обороте инвариантную пару противопоставлений на самые разные темы.

Например:

1. Один (мало, плохо) ≠ два (много и хорошо)

Одна головня и в печи гаснет, а две и в поле горят.

Одна голова хорошо, две лучше

2. Один ≠ другой

Один с сошкой, другой с ложкой.

Одним глазом спит, а другим видит –

так говорят о человеке бдительном, который не дает себя перехитрить. Тот же смысл мы можем обнаружить в аллегорическом нумеративном выражении:

Курица одним глазом спит, а другим коршуна видит.

Говоря о бедном человеке, используют нумеративное шутивное устойчивое выражение:

В одном кармане сочельник, а в другом чистый понедельник.

Необходимо отметить, что данная пара противопоставлений оказалась чрезвычайно продуктивной; сегодня появились многочисленные модификации нумеративных устойчивых выражений в прессе.

Одни платят за учебу, другие – за диплом [АиФ, 13.09.2002].

Одни преступают законы, другие вытирают об них ноги [АиФ, 13.09.2002].

3. Один ≠ все

Один в грехе, а все в ответе.

Устойчивые выражения с нумеративом “один” могут содержать в себе следующие идеи:

1. Быстроты действия:

Одна нога здесь, другая там.

Это выражение, вероятно, пришло из сказочных текстов, где фигурируют сапоги-скороходы. Приведенное выражение часто используется в русском общении как приказ быстро выполнить какое-либо действие, связанное с необходимостью пространственного передвижения.

2. Легкости выполнения действия при сохранении идеи быстроты:

Одним махом.

За один присест.

Одним росчерком пера.

3. Близости к какому-либо предмету или состоянию:

Один шаг.

Стоять одной ногой в могиле –

так говорят о неизлечимо больном человеке, близком к кончине.

4. Единения, совместности действия, по-разному оцениваемую говорящими:

Все как один = вместе.

В один голос = в унисон.

В этих нумеративных выражениях заключена положительная оценка действий. Иначе в выражении

В одну дуду дудеть,

где имеется отрицательная оценка действия.

5. Единичности, единственности при осуждении двойственности, хотя осуждения или одобрения действий зависит от определенных контекстных условий, например:

Придерживаться одной линии.

Можно констатировать, что в устойчивых нумеративных выражениях слово “один” развило символическое значение неопределенно малого количества, передавая идеи быстроты, скорости, легкости и близости. Они способны передавать идеи единения, совместности действия, единичности суждений и позиций.

Смысловая нагрузка во многих устойчивых выражениях с нумеративом "один" падает именно на это слово в разных формах. Оно привносит в структуру приведенных устойчивых оборотов усилительно-ограничительные оттенки, оставаясь до сих пор так до конца и неразгаданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении / И. А. Бодуэн де Куртенэ

// Избранные труды по языкознанию. — М., 1963. — Т. 11. — С. 311-324.

2. Будинов Н. Один, два, три / Н. Будинов // Знание — сила. — 1980. - № 9. — С. 42-43.

3. Иванов В. В. Лингвистика и исследование афазии / В. В. Иванов // Структурно-типологические исследования. — М., 1962. — С. 48-79.

4. Супрун А. Е. Славянские числительные / А. Е. Супрун. — Минск, 1962. — 217 с.

5. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке / Л. Д. Чеснокова // Семантика, грамматика, функции. — Р.-н/Д., 1997.